

БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННОЙ ЛИРИКИ

ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ

Библиотечка
избранной
лирики

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“

1967

Редакционная коллегия:
И. ГРУДЕВ, Ю. ДРУНИНА,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, В. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, Вас. ФЕДОРОВ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Неослабевающий интерес к лирике Маяковского естествен: Маяковский поэт сложный, грандиозно-масштабный, как и эпоха, его породившая. В послеоктябрьском творчестве Маяковского впервые с непревзойденной полнотой лирически раскрылась личность, устремленная в коммунизм. Его поэзия открыла новый этап в развитии русской и мировой поэзии. Лирика Маяковского не только нерукотворный памятник революции. Своей устремленностью к слиянию общественно-политических и нравственно-эстетических идеалов, к гармоническому Человеку коммунизма лирика Маяковского и сегодня активно борется за извечные идеалы человечества. И потому развитие лирики Маяковского отражает становление советской поэзии, основные тенденции и законы движения лирики социалистического реализма. Лирическая сфера в литературе пронизывает все явления изнутри светом человеческих чувств, без которых неполны описания человеческого бытия. Вот почему не может быть «описательной» лирики. Специфика лирики — в изображении характерных, главнейших переживаний современника, тогда она становится «пульсом» жизни общества, биением передовой мысли. Типичность переживания обуславливает живучесть лирического произведения, популярность его среди современников и живой интерес потомков.

Великий поэт всегда великий мыслитель. С развитием общества, с ростом культуры, общественного самосознания увеличивается и ответственность поэтов-лириков, повышаются требования в отношении

личности поэта, увеличивается необходимость в постоянном углублении его мировоззрения. Ведь личность поэта в лирической поэзии обладает огромным удельным весом, от нее зависит характер и сила лиризма. Лирическая поэзия, выражая внутреннюю сущность человеческой природы, не может не стать выражением самого поэта. Но такая субъективность исключает субъективистский произвол. Выступая с докладом на вечере комсомольского актива 10 сентября 1928 года, Маяковский резко полемизировал с апологетами субъективизма и «самовыражения», выдвигал требование к поэтам-лирикам: «найти тематику, которая интересует весь Советский Союз». Сам он постоянно находил такую тематику, создавая при этом произведения лирические, но выстраданные сердцем истины звучали злободневно. Осуществляя тезис: «Настоящая поэзия всегда, хоть на час, а должна опередить жизнь», Маяковский нашел в своей агитпоэзии редкое сочетание своевременности и умения постоянно держать в поле зрения те главные задачи, на которые указывала жизнь, напряженная борьба народа и партии за новые идеалы социальной справедливости.

Маяковский создает образ поэзии — неутомимой труженицы, стиха-бойца, мчащегося через столетия, «подтянув подпруги», принятого Историей за беззаветное служение своему времени. Поэтически открыв и утвердив небывалую красоту нового мира, Маяковский утверждает слово как эстетическое оружие социальной борьбы.

И. Денисова

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!
Ведь если звезды зажигают,
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

И, надрываясь,
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
бонится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.

Говорит кому-то:
 «Ведь теперь тебе ничего?
 Не страшно?
 Да?!»
 Послушайте!
 Ведь если звезды
 зажигают,
 значит — это кому-нибудь нужно?
 Значит — это необходимо,
 чтобы каждый вечер
 над крышами
 загоралась хоть одна звезда?!

ЕДУ

Билет —
 шелк.
 Щека —
 чмок.
 Свисток, —
 и рванулись туда мы,
 куда,
 как сельди,
 в сети чулок
 плывут
 кругосветные дамы.
 Сегодня приедет —
 уродом-урод,

а завтра —
 узнать посмейте-ка:
 в одно
 разубран
 и город и рот —
 помады,
 огней косметика.
 Веселых
 тянет в эту вот даль.
 В Париже грустить?
 Едва ли!
 В Париже —
 площадь
 и та — Этуаль;
 а звезды —
 так сплошь этуали!
 Засвистывай,
 трись,
 врезайся и режь
 сквозь Льежи
 и об Брюссели.
 Но нож,
 и Париж,
 и Брюссель,
 и Льеж
 тому,
 кто, как я, обрусели.
 Сейчас бы
 в сани
 с ногами —

в снегу,
 как в газетном листе б...
 Свисти,
 заноси снегами
 меня,
 прихерсонская степь...
 — Вечер,
 поле,
 огоньки,
 дальняя дорога, —
 сердце рвется от тоски,
 а в груди —
 тревога.
 Эх, раз,
 еще раз,
 стих — в пляс.
 Эх, раз,
 еще раз,
 рифм хряск.
 Эх, раз,
 еще раз,
 еще много, много раз...
 Люди
 разных стран и рас,
 копая порядков грядки,
 увидев,
 как я
 себя протряс,
 скажут:
 в лихорадке.

**ПИСЬМО ТОВАРИЩУ КОСТРОВУ ИЗ ПАРИЖА
 О СУЩНОСТИ ЛЮБВИ**

Простите
 меня,
 товарищ Костров,
 с присущей
 душевной ширию,
 что часть
 на Париж отпущенных строк
 на лирику
 я
 растранирю.
 Представьте:
 входит
 красавица в зал,
 в меха
 и бусы оправленная.
 Я
 эту красавицу взял
 и сказал:
 — правильно сказал
 или неправильно? —
 Я, товарищ, —
 из России,
 знаменит в своей стране я,
 я видал
 девиц красивей,
 я видал
 девиц стройнее.
 Девушкам
 поэты любви.

Я ж умен
 и голосист,
 заговариваю зубы —
 только
 слушать согласись.
 Не поймать
 меня
 на дряни,
 на прохожей
 паре чувств.
 Я ж
 навек
 любовью ранен —
 еле-еле волочусь.
 Мне
 любовь
 не свадьбой мерить.
 Разлюбила —
 уплыла.
 Мне, товарищ,
 в высшей мере
 наплевать
 на купола.
 Что ж в подробности вдаваться,
 шутки бросьте-ка,
 мне ж, красавица,
 не двадцать, —
 тридцать...
 с хвостиком.
 Любовь
 не в том,
 чтоб кипеть крутей,

не в том,
 что жгут угольями,
 а в том,
 что встает за горами грудей
 над
 волосами-джунглями.
 Любить —
 это значит:
 в глубь двора
 вбежать
 и до ночи грачей,
 блестя топором,
 рубить дрова,
 силой
 своей
 играючи.
 Любить —
 это с простынь,
 бессонницей рваных,
 срываться,
 ревнуя к Копернику,
 его,
 а не мужа Марьи Ивановны,
 считая
 своим
 соперником.
 Нам
 любовь
 не рай да кущи,
 нам
 любовь
 гудит про то,

что опять
 в работу пущен
 сердца
 выставший мотор.
 Вы
 к Москве
 порвали нить.
 Годы —
 расстояние.
 Как бы
 вам бы
 объяснить
 это состояние?
 На земле
 огней — до неба...
 В синем небе
 звезд —
 до черта.
 Если б я
 поэтом не был,
 я бы
 стал бы
 звездочетом.
 Поднимает площадь шум,
 экипажи движутся,
 я хожу,
 стишки пишу
 в записную книжицу.
 Мчат
 авто
 по улице,
 а не свалят наземь.

Понимают
 умницы:
 человек —
 в экстазе.
 Сонм видений
 и идей
 полон
 до крышки.
 Тут бы
 и у медведёй
 выросли бы крылышки.
 И вот
 с какой-то
 грошовой столовой,
 когда
 докипело это,
 из зева
 до звезд
 взвивается слово
 золоторожденной кометой.
 Распластан
 хвост
 небесам на треть,
 блестит
 и горит оперенье его,
 чтоб двум влюбленным
 на звезды смотреть
 из ихней
 беседки сиреновой.
 Чтоб подымать,
 и вести,
 и влечь,

ПИСЬМО ТАТЬЯНЕ ЯКОВЛЕВОЙ

В поцелуе рук ли,
губ ли,
в дрожи тела
близких мне

слышу лишь
 свисточный спор
 поездов до Барселоны.
 В черном небе
 молний поступь,
 гром
 ругней
 в небесной драме, —
 не гроза,
 а это
 просто
 ревность
 двигает горами.
 Глупых слов
 не верь сырю,
 не пугайся
 этой тряски, —
 я взнуздаю,
 я смирю
 чувства
 отпрысков дворянских.
 Страсти корь
 сойдет коростой,
 но радость
 неиссыхаемая,
 буду долго,
 буду просто
 разговаривать стихами я.
 Ревность,
 жены,
 слезы...
 ну их! —

вспухнут веки,
 впору Вию.
 Я не сам,
 а я
 ревную
 за Советскую Россию.
 Видел
 на плечах заплаты,
 их
 чахотка
 лижет вздохом.
 Что же,
 мы не виноваты —
 ста миллионам
 было плохо.
 Мы теперь
 к таким нежны —
 спортом
 выпрямишь не многих, —
 вы и нам
 в Москве нужны,
 не хватает
 длинноногих.
 Не тебе,
 в снега
 и в тиф
 шедшей
 этими ногами,
 здесь
 на ласки
 выдать их

в ужины
 с нефтяниками.
 Ты не думай,
 щурясь просто
 из-под выпрямленных дуг.
 Иди сюда,
 иди на перекресток
 моих больших
 и неуклюжих рук.
 Не хочешь?
 Оставайся и зимуй,
 и это
 оскорбление
 на общий счет нанижем.
 Я все равно
 тебя
 когда-нибудь возьму —
 одну
 или вдвоем с Парижем.

ДОМОЙ!

Уходите, мысли, восвояси.
 Обнимись,
 души и моря глубь.
 Тот,
 кто постоянно ясен —
 тот,
 по-моему,
 просто глуп.

Я в худшей каюте
 из всех кают —
 всю ночь надо мною
 ногами куют.
 Всю ночь,
 покой потолка возмутив,
 несется танец,
 стонет мотив:
 «Маркита,
 Маркита,
 Маркита моя,
 зачем ты,
 Маркита,
 не любишь меня...»
 А зачем
 любить меня Марките?!
 У меня
 и франков даже нет.
 А Маркиту
 (толечко моргните!)
 за сто франков
 препроводят в кабинет.
 Небольшие деньги —
 поживи для шику —
 нет,
 интеллигент,
 взбивая грязь вихров,
 будешь всучивать ей
 швейную машинку,
 по стежкам
 строчащую
 шелка стихов.

Пролетарии
приходят к коммунизму
низом —
низом шахт,
серпов
и вил, —
я ж
с небес поэзии
бросаюсь в коммунизм,
потому что
нет мне
без него любви.
Все равно —
сослался сам я
или послан к маме —
слов ржавеет сталь,
чернеет баса медь.
Почему
под иностранными дождями
вымокать мне,
гнить мне
и ржаветь?
Вот лежу,
уехавший за воды,
ленью
еле двигаю
моей машины части.
Я себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим счастье.

Не хочу,
 чтоб меня, как цветочек с полян,
 рвали
 после служебных тягот.
 Я хочу,
 чтоб в дебатах
 потел Госплан,
 мне давая
 задания на год.
 Я хочу,
 чтоб над мыслью
 времен комиссар
 с приказанием нависал.
 Я хочу,
 чтоб сверхставками спёца
 получало
 любовищу сердце.
 Я хочу;
 чтобы в конце работы
 завком
 запирал мои губы
 замком.
 Я хочу,
 чтоб к штыку
 приравняли перо.
 С чугуном чтоб
 и с выделкой стали
 о работе стихов,
 от Политбюро,
 чтобы делал
 доклады Сталин.

«Так, мол,
и так...
И до самых верхов
прошли
из рабочих нор мы:
в Союзе
Республик
пониманье стихов
выше
довоенной нормы...»

НЕОКОНЧЕННОЕ

I

Любит? не любит? Я руки ломаю
и пальцы
разбрасываю разломавши
так рвут загадав и пускают
по маю
венчики встречных ромашек
пускай седины обнаруживает стрижка и бритье
Пусть серебро годов вызванивает
уймаю
надеюсь верую вовеки не придет
ко мне позорное благоразумие

II

Уже второй
должно быть ты легла

А может быть
и у тебя такое
Я не спешу
И молниями телеграмм
мне незачем
тебя
будить и беспокоить

III

море уходит вспять
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид.

IV

Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданию

Я знаю силу слов я знаю слов набат
 Они не те которым рукоплещут ложь
 От слов таких срываются гроба
 шагать четверкою своих дубовых ножек
 Бывает выбросят не напечатав не издав
 Но слово мчится подтянув подпруги
 звенит века и подползают поезда
 лизать поэзии мозолистые руки
 Я знаю силу слов Глядится пустяком
 Опавшим лепестком под каблуками танца
 Но человек душой губами костяком

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

Нет,
 не те «молодежь»,
 кто, забившись
 в лужайку да в лодку,
 начинает
 под визг и галдеж
 прополаскивать
 водкой
 глотку.

Нет,
 не те «молодежь»,
 кто весной
 ночами хорошими,

раскривлявшись
 модой одеж,
 подметают
 бульвары
 клешами.

Нет,
 не те «молодежь»,
 кто восхода
 жизни зарево,
 услышав в крови
 зудеж,
 на романы
 разбазаривает.

Разве
 это молодость?
 Нет!

Мало
 быть
 восемнадцати лет.

Молодые —
 это те,
 кто бойцовым
 рядам поределым
 скажет
 именем
 всех детей:

«Мы
 земную жизнь переделаем!»
 Молодежь —
 это имя —
 дар

тем,
кто влит в боевой КИМ,
тем,
кто бьется,
чтоб дни труда
были радостны
и легки!

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

Я волком бы
выгрыз бюрократизм.
К мандатам почтения нету.
К любым чертам с матерями
любая бумажка. катись
По длинному фронту Но эту...
купе и кают
чиновник
учтивый
двигается.
Сдают паспорта, и я
сдаю
мою
пурпурную книжицу.

К одним паспортам — улыбка у рта.
К другим — отношение плевое.
С почтеньем берут, например, паспорта
с двухспальным английским левою.
Глазами доброго дядю выев,
не переставая кланяться,
берут, как будто берут чаевые,
паспорт американца.
На польский — глядят,
как в афишу коза.
На польский — выпяливают глаза
в тугой полицейской слоновости —
откуда, мол, и что это за
географические новости?
И, не повернув головы кочан
и чувств никаких
не изведав,

берут,
 не моргнув,
 паспорта датчан
и разных
 прочих
 шведов.
И вдруг,
 как будто
 ожогом,
 рот
скривило
 господину.
Это
 господин чиновник
 берет
мою
 краснокожую паспортину.
Берет —
 как бомбу,
 берет —
 как ежа,
как бритву
 обоюдоострую,
берет, как гремучую
 в 20 жал
змею
 двухметроворостую.
Моргнул
 многозначще
 глаз носильщика,

хоть вещи
 снесет задаром вам.
Жандарм
 вопросительно
 смотрит на сыщика,
сыщик
 на жандарма.
С каким наслаждением
 жандармской кастой
я был бы
 исхлестан и распят
за то,
 что в руках у меня
 молоткастый,
серпастый
 советский паспорт.
Я волком бы
 выгрыз
 бюрократизм.
К мандатам
 почтения нету.
К любым
 чертям с матерями
 катись
любая бумажка.
 Но эту...
я
 достаю
 из широких штанин

дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза,

КНИГИ В. В. МАЯКОВСКОГО

(Библиографическая справка)

Полное собрание сочинений в 13-ти томах.
М., Гослитиздат, 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя. И. Денисова	3
Послушайте!	5
Еду	6
Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви	9
Письмо Татьяне Яковлевой	14
Домой!	18
Неоконченное	22
Секрет молодости	24
Стихи о советском паспорте	26
Книги В. В. Маяковского	31

Маяковский Владимир Владимирович

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия», 1967. 32 с. («Б-чка избранной лирики»). Р2

Редактор С. Красиков

Художник А. Власова

Худож. редактор Н. Коробейников

Техн. редактор Л. Климова

Сдано в набор 14/VII 1967 г. Подписано к печати 16/X 1967 г. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Печ. л. 1 (усл. 1,4). Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 400 000 экз. Цена 12 коп. Заказ 1362. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.